

АВЕ БАК

ВРЕМЯ ШАМАНОВ

Аве Бак

Время шаманов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18105705
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;
ISBN 978-1-387-73831-1*

Аннотация

История соединения и взаимодействия двух миров: реального и магического, рационального и мистического, мира людей и мира духов. В 50-е годы, сосланный в европейскую часть Союза, великий тунгусский шаман берёт к себе в ученики обычного подростка. Через некоторое время шаман и мальчик исчезают. Уже в наши дни происходит кража в краеведческом музее. Воруют старый шаманский бубен, дело поручают майору Колчанову. Простое дело оказывается многослойным пирогом, — три поколения шаманов ищут священный бубен «Огонь Хэглуна», родовая месть и кровная связь с семьёй Монастырёвых делает их заложниками пророчества Божественного Воина секты Молчащих, которая жаждет возрождения умирающего народа через новую Праматерь.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ОГРАБЛЕНИЕ	23
ИНЫЕ ПРАВИЛА	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

АВЕ БАК ВРЕМЯ ШАМАНОВ

Иллюстрации Владимира Пивня.

ПРОЛОГ

Я взойшёл на ступень!

Айхай! Айхай!

Я достиг небесной страны

Шагарбата!

Я взойшёл на самую верхушку тапты!

Шагарбата!

Я вознёсся до полной луны!

Шагарбата!

(заклинание-восхождение сибирских шаманов)

Мирча Элиаде. Шаманизм

Есть место, куда не дойти обычным путём. Туда можно добраться лишь дорогой грезящего сознания, которое обожжено сиянием открывающейся вечности. Каждый, кто побывал там, никогда не вернётся полностью. Те, кто остались там – высушены пустотой безвременья, те, кто возвратились – кажутся призраками из иного бытия.

Говорят, что там, посреди всего несуществующего, лежит круг. В круге замкнуты воедино начало и конец, ибо всё лишь повторяется, не ведая того. Этот круг – есть дорога сама по себе. Дорога обещает путнику покой, но, всё, что кажется покоем – лишь дорога. Хочешь достигнуть покоя – встань на дорогу и помни, что никуда не дойдёшь.

Ещё говорят, что посередине круга кто-то замечал фигуру

сидящего человека и многим он казался глубоким скорбящим стариком и улыбающимся ребёнком одновременно. Он сидит и дремлет в центре круга, но иногда, он берёт круг в левую руку и бьёт в него колотушкой, зажатой в правой руке, а круг поёт ему как шаманский бубен. Бубен поёт и рассказывает о тех путниках, которые странствовали по его краям в поисках ответа. Бубен поёт, а старик смеётся, – он знает, что ответа нет и что ответов много, а путников ещё больше. И в каждое своё пение бубен выбирает в круге времени одну из историй о странниках и развлекает ею старика.

Говорят, что старик слушает молча и улыбается, или смеётся, или лицо его становится скорбным, а в глазах отдыхает тихая печаль.

Ещё думают, что старик ведаёт всё без рассказов и стараний бубна, но кто его знает. Мало ли чего наговорят, потерявшиеся в круге бытия. Только замечена была кем-то на краю бубна огромная росомаха, которая лизала старику руки и рычала под пение бубна одну историю, выпавшую из-под крыла мудрого ворона в реку....

* * *

Осень в N-ске удалась как всегда, – и дождями, и грязью, и стоями голодного воронья. Лозунги и портреты висели красными, яркими заплатками на серых улицах, гордо поглядывая на плюхающих по лужам граждан. Среди этого цвето-

вого однообразия и усыпляющей одинаковости совершенно неожиданно и экзотически выглядела невысокая фигура пожилого человека, послушно семенящего за рослым милиционером. Эта необычность заставляла прохожих останавливаться и провожать взглядом, торопящегося не отстать дедка, а некоторых даже приоткрывать рот от удивления, в то время как, мальчишки не стесняясь, бежали за ним стайкой, показывали пальцами и громко обсуждали. А удивиться было чему!

Старичок, прежде всего, одет был совершенно не по-нашенски. Тёплый азиатский халат тёмно-синего цвета, похожий на долгий до пят кафтан, выцветший от старости, ещё хранил на себе едва различимые контуры золотистой вышивки из диковинных зверей и птиц. Особенно на спине явно угадывались очертания скачущего во весь опор коня. Когда дедок приостанавливался, чтобы перекинуть с плеча на плечо свой чёрный мешок, конь двигался со складками халата и, казалось, начинал бег, что вызвало восторг увязавшихся мальчишек. В свободной руке путник нёс две деревянные палки длиной в свой рост. Палки напоминали детских деревянных коняшек-скакалок, чтоб в будёновцы играть. Они начинались конскими резными головами, а заканчивались почти настоящими хвостами, накрепко привязанными к концу палок кожаными шнурами. Маленькие колокольчики на палках, размещённые по всей длине, весело звенели, собирая всеобщее внимание. Надо заметить, что некоторые глу-

хия перезвоны и стуки доносились иногда и из мешка, но, что там хранил приезжий азиат, оставалось для всех загадкой. А вот голову незнакомца венчала обычная тёплая солдатская ушанка.

Дедок хитро поглядывал на зрителей раскосыми глазами-щелочками, которые очень оживляли его спокойное совершенно круглое, как полная луна лицо с вдавленным носом-пяточком. Усики и бородка были столь жидкие и бесцветно-незаметные от седины, что могли вызвать только иронию или сочувствие настоящих почитателей доброй русской бороды.

На милиционера, лейтенанта Пятакова, никто особенно не смотрел, – его, Гришку, все и так в этом районе N-ска хорошо знали. Вопрос был в другом: «Куда ж Гришка-милиционер ведёт этого жителя Востока и будут ли ещё поступать подобные экземпляры в город?»

Гришка на зевак не праздновал. Он точно знал – кого и куда сопровождает. Товарищ майор Зыбин чётко поставил задачу: «Вот, Григорий, прислали к нам на выселение народного музыканта из сибирской тайги. Вроде он ещё у них и шаманом работал, попом то есть. Оказалось, что их, таких вот, слишком много в тайге развелось. Поэтому, принято решение, освободить трудовые массы Сибири от влияния тёмных религиозных сил. Музыкальные инструменты разрешили оставить. Там барабан на тазик похожий, погремушки какие-то, палки деревянные. Вот сменный головной убор,

смотри, с рогами в железках. Тфу ты! Ну, вроде как народная одежда. Документы есть. Справка. Зовут: Бальжит Чолпоев. Веди его на улицу Соломенную, 2 к вдове Карасёвой на проживание. На питание он прикреплён к столовой завода «Красный Щит», пенсию на него оформили по-старости мизерную, я с директором завода поговорю, пусть кочегаром возьмут или сторожем. Всё! Веди!»

Анька Карасёва, вдова, как и многие в те послевоенные годы жила сама, растила сына Кольку десяти лет и, конечно, никаких постояльцев к себе не желала. Домик махонький, только сказать можно, что в три комнаты, а так, одна с фанерными перегородками.

Вдова строго посмотрела на молчащего деда.

– А если не возьму?

– Майор Зыбин приказал! – Громко для уверенности сказал Гришка.

– Я не милиционер, мне приказывать не надо. Что мне толку с нерусского этого? Лишний рот голодный.

– На работу определим. Наоборот кусок хлеба в дом принесёт. – Уверенно доложил лейтенант.

– Дед, ты по-русски-то хоть говоришь? – Обратилась Анька к старику.

– Мала-мала говорю. – На удивление всем ответил азиат.

– А делать что умеешь?

– Работа знаю. Дерево рубить, пилить. Еда варить. Белка стрелять. Могу. – Чётко доложил дедок.

– Звать его как? – Снова повернулась она к Пятакову.
– Бальжит Чолпоев.
– Да, Бальжит. – Подтвердил дед.
– Трудно. Будешь дед Боря. Понял?
– Ладна. Буду. – Без выделяваний улыбнулся дед.
– Тогда иди за мной, дед Боря. – Уже мягче сказала Анька. – Можешь доложить майору, что поселил его у меня.
– До свидания! – Пятаков облегчённо вздохнул и поспешил в райотдел.

Дед Боря прижился у Карасёвых. Бодрый и сильный оказался не по годам. Рубил дрова, таскал воду, забор поправил, в полах в доме прогнившие доски заменил. Определили его на завод в сторожа, выяснилось, что стреляет метко. Зарплату всю подчистую Аньке отдавал, как родной. По-русски хорошо болтать научился.

Один раз только ему вдова пригрозила, что выгонит. Ста-ла Анька замечать, в доме запах тяжёлый стоит, вонь, можно сказать. Сначала подумала, что крыса под полом сдохла или Колька какую дрянь затащил. Потом походила-походила, по-принюхивалась и определила, что вонь эта, псиная, от деда Борьки идёт. И точно! Вспомнила, что за два месяца ни разу не видела чтобы он, как положено, нагрел воды и обмылся. Всё считала, что в баню ходит с мужиками с работы.

– В баню, дед Боря, в баню завтра пойдёшь! – Грозно выда-ла вдова. – Воняешь, сил моих нет!

– Нет, баня плохо, совсем плохо! Тунгус весна в баню хо-

дить, на речка.

– Ты посмотри на него, – возмутилась Карасёва, – он весной в баню собрался! Я тебе дам весной! Завтра! А не пойдешь, выгоню! Будешь жить в милиции, в тюрьме!

– Нет милиция, нет тюрьма! – Засуетился дедок. – Баня хорошо, завтра баня иду!

С тех пор она строго проверяла его регулярные посещения городской бани.

В целом же, дед Боря был молчаливый, спокойный, ни с кем дружбы не водил, водку пил умеренно, только если сама на праздник наливала. Правда, любил иногда вполголо-са свои таёжные песни повить. Тоскливые такие, но не всегда. Бывало, глаза-щелочки раскроются и загорятся огоньками-чертиками как угольки, тогда песня выходила резкая, быстрая со вскрикиваниями, а сам приподнимется с табурета и начнёт в ладоши бить и ногами притопывать, закружится на месте, – сначала медленно нехотя, а потом быстрее, и уже не дед как-будто, а мужик молодой и на лицо пригожий. Песня воздух рвёт, тунгус как ветер кружит, – аж смотреть жутко, и Аньке самой хочется вскочить и скакать рядом в этом ритме диком, вдруг, встанет дед Борька как вкопанный весь дрожит, побелевший как снег и шепчет, шепчет слова непонятные, чужие. Потом сядет на место и смотрит на вдову, словно спрашивает: «Нравится мой танец?» Она и не рада, что глядела на такое, а с другой стороны, ну сплясал человек, нельзя что ли? Редко, правда, танцы эти случались, да

и плохого от них никому не было.

Прошло два года. Колька подрастал смышлёным и работающим. Мать нарадоваться не могла, всё отца его погибшего вспоминала: «Ну, точно корень Карасёвский! Будет с Кольеньки толк, будет!» С дедом Борей Коля особенно не дружил, но и ссор между ними никогда не было, каждый сам по себе.

Как-то в холодный октябрьский вечер сын вернулся мокрый насквозь. «С ребятами, мам, набегался у реки, ну, и упал в неё». А сам весь дрожит, губы синие, ноги подкашиваются. Анька его водкой растёрла, чая горячего выпить заставила, печь жарко растопила и в одеяла позаматывала, укладывая спать. Среди ночи Колька заметался в жару, забредил, ничего не понимает, никого не узнаёт.

Дед Боря не спал эту ночь, всё сидел возле Аньки и неотрывно на горящего Кольку смотрел, только губами шевелил еле-еле. Утром сына горячка не отпустила, казалось, ещё больше забрала.

– Дед, сиди возле Кольки, а я за доктором побегу! Вот холодный компресс прикладывай и пить дай, если в себя придёт. Понял?

Дед как-то удивительно пристально и внимательно посмотрел на Аньку и, ничего не ответив, пошёл в угол и вытащил из мешка свой барабан. Коля говорил, что он бубном называется. Станный это был инструмент: большой плоский овальной формы, на деревянную основу натянута кожа ка-

кого-то животного. На внешней стороне кожи по краям нарисовано синим и красным много маленьких человеческих фигурок, возле них птицы и звери. Посредине восемь двойных линий, как-то Коля пересчитывал. С обратной стороны бубна сделана была вертикальная ручка, чтобы его держать и деревянные поперечины, на которые навешано неисчислимое количество звенящего металла: колокольчики, фигурки зверей, погремушки, монетки и прочая мелочёвка.

Дед Борька взял в левую руку бубен, в правую короткую толстую кость-колотушку, подошёл к Колькиной кровати и, склонившись над ним, тихонько начал постукивать по натянутой коже инструмента. Потом широко расставил ноги, воздел глаза вверх, откинув назад голову, что-то крикнул по-своему и семь раз сильно ударил в бубен. Присел на постель у Колькиных ног, песню затянул заунывную.

Только тут Анька, смотревшая на выбрыки старика уставшими и непонимающими глазами, вдруг обнаружила, что Коленька приподнял веки и зашептал чуть слышно: «Пи-ить». Она бросилась к ведру, зачерпнула полный ковшик и встала у изголовья на колени, чтобы приподнять сыну голову и тихонько поднести воду к горящим губам.

– Нет! – Вдруг сказал дед и сунул свой палец в ковш, а потом стал водить им больному по губам. – Так! Так! – Настойчиво пояснил Аньке, как следует поить сына.

Она его сразу послушалась и стала чистой тряпочкой водить и выжимать воду на губы.

– Стой! – Сказал дед. – Доктор зови! Не успеешь, а то!

Со всех ног бросилась она в больницу и через пару часов машина забрала беспамятного сына в отделение. Среди ночи высокий уставший доктор подошёл к ней в коридоре.

– Держитесь голубушка. Менингит. Очень опасное состояние. Тут вся надежда на организм, мы пока ещё бессильны перед этой болезнью. М-да-с. Бессильны.

И пошёл, разрезая вздёрнутыми мальчишескими плечами тусклый казённый свет в коридоре.

Утром её пригласили к главному врачу.

– Вот, что я просил бы вас, Анна Ивановна. Судя по всему, менингит у Коли в завершающей фазе. Сами виноваты, что сразу не привезли, сами! И не спорьте! Мы уже ничего не сделаем. Всё, как говорится, в руках судьбы. Мы вам дадим все необходимые лекарства и поможем перевезти Колю домой. Да! Домой! У меня лишних врачей нет, а посылать под суд тех, кто невиновен в том, что может случиться с вашим сыном, я не намерен. Как чуть жар спадёт, мы его привезём. Идите, идите, Анна Ивановна.

На следующий день к обеду больничная машина доставила мальчишку домой. Внесли на носилках, бережно уложили на кровать. Врач что-то долго говорил Аньке, показывал на склянки с лекарствами, разложенные на столе. Она только кивала, ничего не понимая и не слушая. Доктор замолчал, посмотрел на неё сочувственно и вышел за порог.

Коля лежал неподвижный и белый как выстиранное по-

лотно. Жар спал, но забрал с собой все силы ребёнка. «Умирать привезли» – прошептала Карасёва и сама не своя от великого горя, не зная ни способов, ни слов, что могли бы помочь сыну, стала отчего-то суетливо и дурно мыть в доме полы с каким-то отчаянным усердием.

Тунгус вернулся с завода в сумерки. Сразу от дверей прошёл к кровати, откинул одеяло и положил правую руку Кольке на грудь.

– Аня! Аня!

– Да, тут я. – Ответила мать из тёмного угла у печки.

– Говорить буду. Ты слушай, потом сама говорить: «Да» или «Нет». Хорошо? Хорошо?! Скажи! – Вырвал он Аньку из состояния отрешённости.

– Ну, говори.

– Я могу Коля лечить. Он поправится. Совсем здоровый, очень. Крепкий будет, батыр! Хочешь?

– Врёшь. – Холодно обронила Анька. – Не рань мою душу ещё больше.

– Моя не врёт. Никогда. Я в тайга много людей лечить, много как дерево в лесу. Могу.

– Можешь? – Анька подошла к деду и впилась в него взглядом. – Так что ж ты стоишь, ирод, лечи, лечи, что хочешь, возьми! Дом, деньги, жизнь мою забери! Лечи!

– Я лечить Кольку. Дед Боря победить хвороба. Только слушай. Твой сын уже там, – дедок показал пальцем вверх, а потом вниз, – у духов предков. Они его ждут. Дед Боря пой-

дёт к ним и будет просить отпустить Колька домой к тебе, ещё жить чуток. Если они отпустить Колька, он будет здоровый. Сколько лет они дать ему жить, не знаю. Они мне там говорить. Хорошо?

– Не поняла, ты в своём уме старый? Как это они определят, сколько ему жить?

– Да! Они! Духи ждут, когда дед Борька придёт. Ещё три дня ждут. Потом всё. Я когда малый был, как Колька, тоже сильно хворать. Мой дед ходил к духам, потом отец ходил, потом духи меня отпустили. Тогда я стал шаман и духи слушать меня и не забирать. Если Колька потом стать шаман, как дед Борька, долга-долга жить будет, сколько хочет. А нет! Опять будет умирать. Как?

– Не знаю. – Поражённая таким мистическим бредом постояльца, Анька разрывалась между страхом перед ужасным откровением и беззаветной любовью к сыну.

– Тогда нет! – Сказал дедок и присел на свой топчан.

– Да! Делай, делай, чёрт нерусский, жизнь, она потом всё покажет!

– Хорошо. Я уходить в ваш тайга-лес на два день, искать лекарство. Колька не трогай, доктор не зови.

За два дня у сыновьей постели она деда изждалась. Время тянулось густым киселём. Мальчишка был всё также неподвижен, и Анька среди ночи то и дело подбегала к нему: «Не помер ли?»

Ни свет, ни заря Анька проснулась, выскочила из хрупкой

полудрёмы, услышав шаркающие шаги постояльца во дворе. Дед вернулся сильно измотанный, уставший в грязном промокшем халате. Сказал прямо с порога:

– Не все лекарства есть. Плохо. Однако буду лечить. Ставь все кастрюля с вода греть. Пусть вода сильно кипеть. Потом. Два курица живой принеси. Чёрная и белая. Потом. Ты на три дня из дома уходить и не входить. Будет крик, шум, – не входить. И смотри, никто в дом не пускать.

Анька не перечила, вопросов не задавала. Поставила воду, схватила кошелёк и побежала по людям покупать курицу. Белую купила сразу, а вот чёрную обыскалась. Отдала за чёрную несущку почти все деньги. Ночевать договорилась у соседки в доме напротив.

Три дня и три ночи в окнах дома горел тусклый свет, грохот, крик, дикие песни и стук бубна разносились по всей улице. Кто-то даже вызвал милицию. Явился, как всегда, Гришка Пятаков и хотел сразу в дом пройти. Еле Анька его удержала неистовой своей материнской мольбой. Гришка отступил, он парень был не вредный, только потребовал уточнить, когда, мол, это безобразие закончится, что гражданам не позволяет нормально на работу высыпаться? И получив заверения, что завтра к утру обязательно, ушёл восвояси.

Наутро четвёртого дня, Анька стояла в своём дворике, ни жива, ни мертва от волнения и страха. Старенькая дверь открылась со скрипом и дед Борька, голый по пояс, измазанный кровью, тихо проговорил:

– Иди. Колька здоров. Кушать дай ему и мне. Дом помыть нада. Всё хорошо.

Анька влетела в дом и обомлела от неожиданности. Колька сидел на кровати и живой здоровый улыбался. Был он совершенно гол, а на теле виднелись не стёртые до конца, валявшейся тут же мокрой тряпицей, непонятные знаки нарисованные кровью.

– Мам, мне лучше, совсем хорошо, только есть очень хочется. Покормишь?

* * *

Дальше жизнь в доме Карасёвых вроде бы пошла своим чередом. Только Анька заметила, что сын очень изменился. Перестал бегать с товарищами, в школе отличник, засел за учёбу. От деда Борьки ни на шаг. Всё у них свои дела да секреты. Чуть время свободное – вдвоём уходят в лес. Вечерами сидят во дворе беседуют, и многие слова Коля говорит на непонятном языке, которому его дед учит. Вместе песни поют заунывные вполголоса, опять же не по-русски.

Однажды, Анька подловила момент, когда дед Борька один был дома, и спросила прямо:

– Что ж ты с Колькой-то сделал? Отчего он стал на себя не похож? Ни друзей, ни девчонки. Только учебники зубрит да за тобой хвостиком бегают.

Тогда дед Борька такой вопросец задал, что её от волне-

ния пот прошиб.

– Скажи, Аня. Кто в роду у тебя плохой человек был? Очень плохой. Разбойник. Людей убивал.

Сразу мысль напросилась, что сынок рассказал. Нет, не мог, не знает он этого и в городе N-ске никто этого не знает.

– Ты, ты, дед, откуда знаешь про такое?

– Скажи кто!

– Дед мой покойный, Илья, разбойник был ещё при царе. На каторге помер. А семья от такого позора уехала с родовых мест. Всего не упомяну. Знаю, что много народу он поубивал, бабка говорила, что нас весь городишко проклинал и жители требовали, чтоб мы убрались. Но это далеко отсюда, очень далеко.

– Слушай теперь. Когда Колька умирал я сначала на своём коне поскакать на небо, просить белых духов отпустить его пожить чуток. Ты кто? Они меня спросить. Я дедушка Колькин, говорю, дайте мне внука. Нет, не ты дедушка его. Его дедушка у чёрных духов, под земля сидит. Туда поскочи. Там Колька сидит. Там проси. Тогда я спускался под земля. Глубоко, глубоко. Встретил меня мангыс (чёрт) с семь голова и сказал. Это я был Колькин дедушка, не отдам тебе мой внук. Тогда дед Борька ударить в конь-бубен сильно-сильно, и упала у мангыса одна голова. Отпусти! Нет, не пущу! Ударить я два раза и у мангыса упала ещё голова. Закричал он: «Бери, бери, Колька, но не долга он жить. Я его скоро-скоро под земля забирать». Я Колька нашёл и домой принёс. Те-

перь или он будет шаман, или умирать.

– Не может быть такого. Мы ж православные и вера у нас другая. Как же это дед Илья в твоём аду оказался? Врёшь всё!

– Дед Борька правда говорить. Твой дед-мангыс в бога не верить. У вас давно вера нет, церковь нет, попы все убить или в тайга. Душа ходить сама и попадать куда попало. Поняла?

– Что ж делать-то?

– Я буду Колька учить стать шаман как я. Учить как свой внук, как моя кровь. Мой станет. Жить будет. Нет. Тогда умрёт.

С тех пор Анька больше к тунгусу с разговорами не лезла, и учить ему сына не мешала. А Колька всё больше менялся прямо на глазах. Злой стал, замкнутый, с матерью вообще разговаривать почти перестал. «Да» или «нет» вот и все слова, что у него для матери остались. Физическая сила в нём развилась неимоверная, как дед Борька и обещал, – богатырская. Все ровесники в районе и в школе его побаивались. Шутка ли, мальчишка пятнадцати лет, среднего телосложения мог здоровое бревно, что двум мужикам еле унести, поднять без усилий, положить на правую ладонь и швырнуть перед собой метра на два-три. Драться ему ни с кем не приходилось. Зачем? Он только в глаза забияке посмотрит, как тот и не рад, что на свет народился, скорее убежать подалеже торопится.

Как-то Анька отругать его решила за то, что два дня сам

по лесу бродил, и дома не ночевал. Колька так на неё посмотрел, что аж сердце ёкнуло и подсказало: «Не мой это уже сын, не Коленька совсем». Увидела она в этих глазах силу неудержимую, холод и беспощадность. Даже в самых уголках глаз ни единого тёплого лучика-сочувствия для матери не нашлось. Он и сам спохватился, взгляд отвёл и на двор вышел.

В девятнадцать лет Николай Карасёв окончил десятилетнюю школу с отличием. На выпускной вечер не пошёл, а в ночь, в тёплую летнюю ночь оправился в лес. Вернулся утром, лёг в постель и сказал Аньке: «Мама, если сегодня умру, надо похоронить быстрее!» Через два часа его сердце остановилось.

Похоронили на следующий день на городском кладбище. Проститься пришла вся школа. Никто не мог взять в толк, отчего случилась такая внезапная и скорая смерть.

Во время поминок дед Борька отозвал безутешную Аньку и тихо сказал:

– Ухожу я. Не плачь. Колька тут не жить. Я не дам. Прощай, Аня, спасибо тебе. Мешок свой оставил. Не дай никому. Кто-то за ним приходить, потом.

Она и опомниться не успела, как исчез дедок прямо за порогом, как растворился в воздухе, будто и не было его никогда.

Шёл 1956 год.

ОГРАБЛЕНИЕ

*Ниже белого неба,
Выше белых облаков,
Ниже синего неба,
Выше синих облаков,
Взлетай в небо, о, птица!
(Ритуальное заклинание шаманского бубна).*

Мирча Элиаде. Шаманизм

Н-ский краеведческий музей шедеврами мирового искусства избалован не был. Да и откуда им взяться? Саму Н-скую область образовали только в 1962 году, можно сказать, что совершенно волюнтаристски, но с благой, как обычно, целью, – объединить ряд территорий в единый народнохозяйственный комплекс. Времена те уж минули, всё-таки 1997 год на дворе, а область осталась. Н-ск за этот период здорово разросся. Из тихого провинциального городка превратился в промышленный центр с пятьюстами тысячами народу. А музей остался сосредоточением произведений соцреализма с небольшими вкраплениями из сокровищниц народного творчества.

Директор музея, Ковров Иван Иванович, с самого начала рабочего дня отправился в традиционный обход экспозиции. Эти восемь залов он обходил ежедневно вот уже тридцать шесть лет, не спеша, по привычке, без эксцессов. Последним,

восьмым залом, завершавшим путешествие, был зал необычных экспонатов, так его Иван Иванович для себя определял, а по документам значилось: «Зал № 8. Творчество народов России». Там выставляли всё, что тем или иным образом оказалось когда-то в Н-ске и близлежащих территориях, и могло привлечь взгляд посетителя хоть ненадолго.

Сегодняшним утром, войдя в зал № 8, Иван Иванович был выбит наповал из ежедневной рутины. Он остановился посередине, и остолбенело, хватал ртом воздух, не в силах издать хоть какой-то звук. Самые интересные экспонаты, изюминка музея, наглым образом отсутствовали на своём обычном месте, да и похоже в музее вообще. Стенд с почти сказочным названием «Ритуальные атрибуты тунгусского шамана» был обескураживающе пуст. Исчезло всё.

«А-а-а!!!», – не своим голосом закричал директор и, потрясая животом, со всех ног бросился в кабинет к телефону.

– Алло, милиция! Срочно приезжайте в краеведческий музей! Срочно! У нас ограбление! Ясно? Ограбление! Кто звонит? Как кто! Директор музея! Да! Я, Ковров Иван Иванович! Да! Нахожусь на рабочем месте! Хорошо. Никого в музей не впускать. Понял. Жду!

Начальник Октябрьского райотдела милиции подполковник Шебекин вызвал к себе майора Колчанов Михаила Ивановича. Сказал просто и доверительно:

– Миша, тут музей краеведческий ограбили, хотя и не знаю даже, чего там грабить? Ты человек спокойный вдум-

чивый. Возьми это дельце, разберись. Группа уже там, давай подключайся.

– Удружили, Фёдор Ильич, мне ещё два дела по убийствам тянуть, а вы – музей! Нет никого что ли?

– Есть-то, есть. Да тут дело с культурой связано. Не каждый поймёт, что к чему. У кого понимания не хватит, у кого, этой самой, культуры, так что бери дело и всё тут.

– Слушаюсь.

Михаил Иванович вышел из кабинета начальника отнюдь не в приподнятом состоянии духа. «Не зря сон такой дурацкий ночью приснился: бежит за ним огромная чёрная клыкастая собака, прямо тебе баскервильская, и вот-вот за задницу ухватит. Хорошо, что проснулся. Но, значит, ухватила, раз музей подкинули».

Он бывал в этом музее, правда, давно очень. Водил по разнарядке молодых милиционеров для знакомства с историей области. «Что ж такое могло преступника привлечь? Хотя, сейчас крадут всё подряд. На месте разберёмся».

В здании краеведческого музея уже работала группа, ну, не группа, а так, один на протоколе, другой на осмотре, как обычно. Криминалист где-то задерживался и приехал одновременно с Колчановым.

Михаил Иванович подошёл к совершенно растерянному директору музея.

– Здравствуйте, Иван Иванович!

– А, Михаил Иванович, как хорошо, что вы приехали!

Вот, видит бог, что не зря соседствуем и в одном доме живём. Вас и прислал.

— Ну не бог прислал, а начальство. Рассказывайте, что тут у вас пропало.

— Пропажа, точнее, украдена группа экспонатов, объединённая одной темой «Ритуальные атрибуты тунгусского шамана», которая состоит .... состояла из бубна, шаманского колпака и двух резных деревянных палок с конскими головами и хвостами. Всё это размещалось вот тут.

Директор указал на пустующий стенд обтянутый голубым бархатом.

— Бубен и палки висели на стене, а колпак лежал вот на этой подставке.

— Всё?

— Всё? А разве мало?

— Я имею в виду — больше ничего не пропало.

— Кажется, нет, но это были наши самые экзотические экспонаты.

— Сочувствую, Иван Иванович, искренне. Скажите, драгоценные металлы и камни использовались как инкрустация в этих вещах?

— Нет, что вы! Боже мой! Как раз все материалы очень простого состава. Кожа, дерево, медь, железо, пучки конских волос... и всё.

— Я помнится, видел эти вещи у вас много лет назад. Фотографии пропавших экспонатов есть?

– Конечно! Сам делал. Соня! – Крикнул директор сотрудницу, – принесите фотоальбом музея.

– Дима, – обратился Колчанов к одному из оперов, – есть следы проникновения, взлома?

– Нет, Михаил Иванович, ничего. Замки на входных дверях и пожарном выходе целы, а окна, кажется, сто лет не открывались.

– А сигнализация?

– Тут она только на входных дверях и окнах. Не срабатывала.

– Да, – снова вступил в разговор директор, – у нас на стендах и в залах сигнализации нет. Никогда и не думали, что может пригодиться, да и со средствами на установку плохо.

– Ясно! – Колчанов уже разглядывал фото в альбоме. – Любопытные штучки, только на карнавале прыгать. Мы сделаем себе фотокопии и вернём. Кому ж могли понадобиться такие странные вещи? Как думаете, Иван Иванович?

– Я в растерянности. Ума не приложу.

– Может быть, подростки решили побаловаться? Школы-то на экскурсии ходят?

– Да, да! Совершенно верно, Михаил Иванович, как я сразу не додумался. Ну, зачем взрослому человеку бубен и палки. Незачем. Мальчишки. Точно они. Два дня назад у нас школа № 8 на экскурсии была, два десятых класса. Могли присмотреть.

– Могли... – задумчиво согласился Колчанов, – могли.

Только нетронутые окна и двери меня сильно смущают. Но версия имеет право на жизнь. Дима, школа № 8 за тобой. Учителя, родители, дети: кто, что домой притащил, кто дома не ночевал или очень поздно вернулся. Трудные подростки, – особенно внимательно.

– Ясно, товарищ майор.

– Есть что, Сергей? – Обратился Колчанов к криминалисту.

– Ничего особенного. Есть, конечно, пальчики на тумбочке, но очень много. Наверное, экскурсанты залапывают.

– Залапывают. Ты снимай, снимай отпечатки-то.

– Снимаю. Вот на полу интересное....

– Что там?

– Да шерсть рассыпана, видите три крупных клочка, похоже на собачью.

– Собака в музее есть, – повернулся майор к директору, – или кошка?

– Нет. Ни собаки, ни кошки. И у нас не живут, и в музей с животными не пускаем.

– А дома у кого-то из сотрудников, может, к одежде прилипла, а в музее осыпалась?

– У меня нет. У Сони, сотрудницы, кажется тоже. Уборщица наша, баба Клава, в частном секторе живёт, наверняка есть какой-нибудь бобик во дворе.

– Хорошо уточним. Сергей, посмотрите по другим залам, есть ли ещё где шерсть на полу. Дима, когда будешь школу

отрабатывать обрати внимание на пацанов у которых дома есть собаки, особенно если, как говорится, неразлучные друзья. Таскают с собой собаку повсюду. Собака предположительно тёмно-рыжего цвета, судя по клочкам. Ну что, Иван Иванович, а теперь каждый работник музея, включая вас, расскажет моим ребятам, где был и что делал прошедшим вечером, ночью, утром. Такова процедура, извините.

Колчанов привычным движением потянул вверх за пояс брюки, съехавшие с небольшого брюшка и, не спеша стал бродить по другим залам. Ничего интересного. «Как бледно и казённо подаём свою историю» – мелькнуло в голове – «вот в результате и никакого уважения к ней и трепета, в хорошем смысле слова, от тех же мальчишек, если это, конечно, они».

Задержался в зале истории города N-ска. Неторопливо переходил от одного творения местных живописцев к другому. «Хорошо, что рисовали старый город. Многих районов уже и нет. Вот, например, Соломенная слобода, большой был старый район, а теперь уж от него и следа не осталось. Всё покрыто новостройками». Михаил Иванович уж было начал двигаться к следующему экспонату, как взгляд его задержался на полу перед картиной. «Не может быть!» На ковровой дорожке прямо перед носками его туфель лежал малюсенький клочок шерсти.

– Сергей! Давай сюда! Смотри, что по твоему? Та же или нет?

– Очень, очень похоже, что та. Беру с собой. А я больше

нигде не нашёл.

– Не нашёл... Я ещё и сам всё осматриваю. Но, пока, отметим себе, что шерсть животного происхождения обнаружена возле ограбленного стенда и на полу у картины Ревсмана Н.К. «Соломенная слобода». Иван Иванович, в каком году нарисована картина?

– Эта? А, да я точно помню, в 1953 году. Точно.

– Репродукция картины есть?

– Нет, к сожалению не имеем-с.

– Серёжа, а можно как-то эту картину заснять на цифровое фото, чтобы потом внимательно разглядеть каждую деталь. Не могу объяснить для чего, но интуиция требует. – Улыбнулся Колчанов.

– Можно, товарищ майор. Но завтра. Аппаратуру привезу и щёлкну.

– Добро.

Больше клочки шерсти нигде в помещениях музея обнаружены не были. Когда опрос сотрудников был практически завершен, Колчанов, как бы невзначай, спросил Коврова.

– А скажите, Иван Иванович, есть ли какой-то забытый, брошенный ход в эти помещения? Может, заложенный камнями или затопленный, ну, не знаю..., как ещё сказать.

– Понял, понял, Михаил Иванович! Вы совершенно правы! Так как здание очень старой постройки, ещё дореволюционной, то не раз предпринималась внутренняя перепланировка, что-то ломали, что-то достраивали. Вот, например,

хранилище музея – это пристройка, переделанная в 58 году. Готовили как один из залов, но помещение получилось такое..., как бы правильно сказать, мрачноватое и со временем решили использовать его, как склад для невыставленных экспонатов. Говорили, что там когда-то был ход в подвал, но я ничего такого не видел. Сплошной бетонно-каменный мешок.

– Хотелось бы взглянуть.

– Конечно! Пройдёмте.

Ковров скорым шагом повёл майора по музею и в зале № 2 подошёл к двери, которая была декорирована бледно-салатовой тканью в тон стенам, что делало её для невнимательного взгляда совершенно незаметной. Директор открыл на себя дверь, вошёл первым и щёлкнул выключателем справа. Тусклый свет явил вошедшим неприглядное серое хранилище. У стен стояли ряды прислонённых одна на одну картин, на полках притаилась керамика, в дальнем углу на полу – большая группа бюстов и скульптурок политических вождей прошлых времён.

– То, что держим здесь, поверьте мне, не представляет никакой художественной ценности. Но не выбрасываем. То киношники попросят, то в театр областной для декораций выдаём. Думаем вот для почитателей и собирателей политического кича советской эпохи аукцион провести.

– Понятно. М-м...да.... Действительно мрачновато. А что, говорите, был ход в подвал?

– Слышал о таком, но посмотрите сами Михаил Иванович, пол-то какой! Плиты бетонные. Старого производства, полтора на полтора. Говорят здесь же на стройке их и изготавливали. Если и был ход, то где же он? Человеку такой плиты не поднять.

– Верно, верно. Везят они немало.

Колчанов медленно стал обходить хранилище по периметру, старательно оминая стоящие и лежащие экспонаты. В левом дальнем углу резко остановился и аккуратно поёрзал подошвой правой туфли. Присел на корточки и собрал с пола пальцами щепотку какой-то пыли с песком.

– Песок? С кусочками не то раствора сухого, не то бетон пооткалывался. Прибирают тут регулярно?

– А как же. Убираем, но не так часто как в залах и остальных помещениях. Раз в неделю обязательно.

– Свет плохой. Есть какое-нибудь освещение поярче?

– Нет, другого нет. – Вздохнул директор. – Можно лампу яркую включить через переноску.

– Включите!

Минут через десять усилиями директора и сотрудницы Сони была найдена яркая лампа и провод-переноска. Колчанов, подсвечивая себе, шаг за шагом вновь повёл осмотр хранилища.

Плиты плотно лежали одна к другой, никаких нарушений в швах, ни отколов, ни трещин. Не было и видимых следов, что пытались хоть одну из них приподнять или сдвинуть.

– Да-а-а.... Полы вне подозрений. А что тут за потолок?
Из чего?

- Да, обычный потолок. Доски, дранка, штукатурка.
- На вид как-будто целый. А за потолком?
- Наверное, чердак.
- Чердак, чердак. Чердаки, Иван Иванович, очень непредсказуемые архитектурные сооружения. Ход-то есть туда?
- Ход с улицы. Лестницу надо приставлять. Но дверца наглухо забита.
- И никакой сигнализации!
- Да какая может быть, Михаил Иванович, сигнализация на чердаке. Мы же не Кремль!
- Вот и я о том же. Идёмте на улицу. Лестницу приставлять.

Группа во главе с Колчановым и недоумевающим директором двинулась во внутренний хозяйственный дворик музея. Там и обнаружили лежащую у стены длинную выдвижную лестницу, которую подняли и установили ко входу на чердак.

– Увлекался я когда-то альпинизмом, – ухмыльнулся майор, – а вот в цирке работать не довелось. Держите крепче это чудо техники! Ну, с богом!

Аккуратненько, не торопясь, Колчанов подобрался к дверце. Левой рукой крепко взялся за последнюю перекладину лестницы, а правой с силой надавил на дверцу. Она скрипнула и легко распахнулась вовнутрь.

– А вы говорили заколочена! Чуток только гвоздиком прихвачена, чтоб ветер не телепал. Сергей, давай сюда. Фонарик найди что ли?

Первое, что почувствовал майор, ступив за порог чердака, запах. Запах, который он прежде, кажется, нигде в городе не встречал. Незнакомый, тревожный, чужой. В музее такого не было. Он соединял в себе аромат травяного благовония, резких выделений крупного хищного зверя и крови. Как пахнет кровь и только пролитая, и запёкшаяся, и протухшая, Михаил Иванович знал хорошо, всего повидать пришлось. В проходе появился Сергей.

– Ох, и вонь! Рыгнуть можно.

– Ты только попробуй мне изгадить место преступления! – отозвался Колчанов.

– Здесь и без меня уже, кажется, так нагадили....

– Фонарик взял?

– Взял.

– Свети! Сюда, сюда иди, свети в тот угол!

Свет фонарика выхватил из темноты примятую грудку опилок, которыми был засыпан чердак.

– Видишь! Специально кто-то сгрёб, лежанку сделал, – пояснил Михаил Иванович, – и сидел тут, а, может, даже и спал в ожидании. Свети ближе.

На горке опилок валялись белые птичьи перья, на большинстве которых запеклись тёмные пятна крови.

– Жрать что ли бомж готовил, а? Михаил Иванович?

– Не похоже, совсем не похоже на бомжеское хозяйство. Тут не сготовишь. Смотри! – Колчанов вытянул из опилок плоский камень размером с небольшую тарелку.

Камень был щедро залит кровью, а к ней налипли пушинки от перьев.

– Собирай-ка всё это, Серёжа, собирай. Будем определять, чьи перья, чья кровушка горячая тут лилась. Вон её сколько под опилками.

Действительно, под отгребёнными вручную опилками, на досках тёмной лужей лежала запёкшаяся кровь.

– Странно всё это, товарищ майор!

– Очень, ты правильно заметил, коллега, странно и даже чересчур. Если вспомнить что именно украли, странность плавно переходит в охренение. Ты не стой! Делай как я, шеруди граблями-то под опилками.

Колчанов медленно на полусогнутых ходил по чердаку. Прощупывал руками каждый сантиметр.

– Михаил Иванович! Опять! Опять нашёл.

– Что опять?

– Шерсть. Очень большой клочок. Вот.

– Где нашёл? В каком месте чердака?

– Тут.

– Разгребай опилки, ещё!

Маленькая, выпиленная в полу чердака, ляда попала в луч фонаря.

– Как, ход в погреб.

– Не в погреб, а в музей. – Колчанов стал нащупывать пальцами, за что бы зацепиться и открыть её.

– Помоги.

– Не спешите, она на вбитых гвоздях лежит. Видите.

– Точно.

Выпиленный квадрат держался на вбитых в срезы длинных гвоздях и лежал себе как крышка на кастрюле.

– Поднимаем, кладём. Свети туда!

Луч фонарика осветил прямо под самодельным входом глиняные горшки, вазочки, тарелки.

– Полки с керамикой в хранилище. Теперь нам ясно как грабитель проник в музей. Но входец явно маловат. Мне, например, не пролезть. – Признался майор.

– Я, наверное, смогу, если будет очень нужно.

– Значит, грабитель был худошавый. Это как версия. А? Или использовал помощника, которого мог опустить на верёвке до полки-стеллажа с посудой. Кстати, из хранилища мы и не могли увидеть, что потолок повреждён. Во-первых, плохое освещение, во-вторых, полки, вернее стеллажи, с керамикой, подняты почти впритык к потолку, закрывали от нас эту его часть.

– Не могли. Стеллажи где-то метра полтора в ширину.

– Хорошо. Теперь, Сергей, бери-ка фотоаппарат с мощной вспышкой и обфотографируй тут всё. Всё подряд.

– Да, Иван Иванович, – сказал Колчанов, стоя возле лестницы, отряхивая костюм от опилок, – оказывается, сигнали-

зация на чердаках нужна не только в Кремле. Поеду-ка я домой, переоденусь, пообедаю заодно.

* * *

Елизавета Аркадиевна открыла мужу дверь.

– Боже мой, Миша, где ты так вывалялся, прямо как партизан из лесной засады.

– Почти угадала, но засада была на чердаке. – Согласно поддержал иронию супруги Колчанов. – Зато вырвался пообедать, эксклюзивная ситуация!

– Иди, обмывайся, герой нашего времени, я разогрею обед. Тебе другой костюм подгладить или в джинсах пойдёшь?

– В джинсах, в джинсах! – Отозвался Михаил Иванович из ванной.

– Слышу, не кричи.

Уже за столом, выждав, когда Мишенька утолит основные претензии разгулявшегося аппетита, жена, провоцируемая любопытством и переживаниями, робко поинтересовалась:

– Что-то серьёзное?

– Не знаю, пока ещё точно не знаю, но думаю, что да. И ожидаю продолжения марлезонского балета.

– И что ж там такое, если не секрет?

– Ну почему секрет. Ограбили музей краеведческий, кража необычная, да и украденное – сплошная экзотика. Бубен

тунгусского шамана похитили.

– Бубен? Кому он мог понадобиться?

– Это и для меня загадка. Но ограбление продуманное, можно сказать, тонкое, со следами каких в обычной краже не ожидаешь.

– Что именно?

– Кровь, перья, клочки шерсти. Как тебе?

Елизавета Аркадиевна задумалась.

– Миша, я медик, а не следователь, но попробуй выслушать меня внимательно. Кража продумана – это первое, есть странные находки – второе, предмет кражи – культовый ритуальный инструмент. О чём это свидетельствует?

– Правильно думаешь, Лиза, верно. Вещь потребовалась специалисту в этом деле, в шаманском. Тревожный случай.

– Не торопись. А если это заказ богатого коллекционера, а все остальное для отвода глаз. Может такое быть?

– И такое может быть! Но! Если взял коллекционер, то на этом всё прекратится и бубен уже далеко за пределами области. Если же дело хуже, а я думаю, что версия «коллекционер» лучшее, что может быть; то грабитель ещё даст о себе знать. Или в N-ске, или ещё где-то. Вот так.

– Миша, тебе нужна консультация специалиста. Специалиста в области мифологии или культурологии, такого, который может объяснить, например, для чего служит бубен, что им делают, кто может им владеть и так далее. Ты слушаешь меня?

– Да, Лиза, очень внимательно. Где ж взять-то у нас такого консультанта?

– Где? А я хочу тебе заметить, любящий отец, что если бы ты чаще да подольше разговаривал с собственным сыном, то знал бы, что он в восторге от лекций по культуре, которые ему читает в университете какой-то новый доцент. И вся их студенческая журналистская братия ходит на его занятия в полном составе. Правда, что-то он им рассказывал про африканских колдунов, но попытка не пытка.

– Ладно! – проворчал Колчанов. – Идти пора. Доцент, доцент. Сами разберёмся.

– Разберётесь-то, разберётесь. Но ты вспомни, как вам при похищении жены банкира экстрасенс помог. Помог же?

– Ну, помог. Что ж раньше времени хлопотать? Потребуется, тогда обратимся. Пока!

Через двое суток после происшествия к концу рабочего дня на мобильник Колчанову позвонил Сергей – криминалист.

– Можете зайти? Любопытные моменты экспертиза даёт.

– Сейчас подойду, Серёжа, подожди!

Колчанов закрыл кабинет и поспешил в лабораторию. «Волшебное местечко, – думал себе майор, – как без него может любое дело обойтись, никак! Качественная экспертиза лучший подарок следователю. А! Как сказал! Хоть лозунгом на стене вывешивай».

– Просвещай, Сергей Фёдорович, заждался уж я.

– Побойтесь бога, Михаил Иванович, и так работаю с космической скоростью. Признаюсь, что самому интересно. Итак, перья и кровь принадлежат обычной курице бройлеру белого цвета. Камень речной, предположительно из быстрой мелководной речки. Теперь самое сенсационное. Шерсть! – Эксперт замер в торжественном молчании.

– Не томи. Карты на стол! – Поторопил майор.

– Есть! Первые же анализы показали, что это животное не из наших мест. В составе волокон обнаружены вещества, которые в нашем городе и в природе вокруг нет. Дальше у меня закралось подозрение, что это и не собака вовсе. И неожиданно сомнения подтвердились. У меня сосед охотник и старый собачник. Я ему говорю: «Михалыч, посмотри! Собачья шерсть?» А он свистнул своих спаниеля и таксу, и дал им понюхать клочок. Так они как зарычат, и давай лаять во всё горло, прыгать за его рукой, чтоб клочок ухватить. Концерт подняли необыкновенный. Пришли в себя собачки, когда я с шерстью вышел за дверь. Весело?

– Я же сказал – не томи.

– Ладно. Михалыч за мной. «Это, – говорит, – Серёга, не собачка. Это, брат, запах какого-то дикого зверя, но, что за зверь, сказать не могу. Не лиса, не хорёк, не волк. Гарантирую. Съезди ты к моему приятелю, директору городского зоопарка. К Евдокимову. Он на этих зверях пуд соли съел. Может и определит».

– А ты?

– А я, буду здоров сто лет, так и поступил, товарищ майор. Поехал к Кириллу Александровичу Евдокимовну. И он меня, кстати, принял и помог. «Шерсть, – говорит, – животного, которое мы относим к куньим. Но не куница. Оставляйте-ка мне клочок на денёк, и я попробую выйти на более-менее точный ответ». Я оставил, а минут двадцать назад он мне позвонил и сказал, что по внешним признакам, по окрасу, по структуре это.... Ну, отгадайте?

– Нашёл пионера на утреннике, массовик-затейник. Говори!

– Росомаха! – Выдохнул Сергей и у него таинственно заблестели глаза.

– Ну и дела. – Колчанов и сам обомлел.

– Причём, – продолжил Сергей, – клочок не выпал от линьки, а был выдран, более того, это или живой зверь или свежеснятая, ещё невыделанная шкура.

– В зоопарке определили?

– Да! И напишут заключение на основе анализов в своей лаборатории. А если разрешим ему клочок шерсти отослать на недельку-другую к товарищам в НИИ, то нам дадут абсолютно точный ответ.

– Отсылай! Чем скорее, тем лучше. А в зоопарке росомаха есть?

– Нет.

– Посмотреть бы. Никогда не видел.

– Как поймаете вора, вместе посмотрим.

Михаил Иванович вечером попросил сына залезть в Интернет и найти ему информацию о росомах. В результате прочитал, что росомаха – крупный хищник, размером тела до 70 см, имеет окрас от тёмно-коричневого до палевого. Ареал обитания, практически, вся Сибирь и Дальний Восток. мех у неё жёсткий, но тёплый, поэтому применяется народами Сибири в хозяйственных целях, например, эвенками (тунгусами). Стал читать про эвенков и узнал, что значительная часть эвенков, наряду с православием хранит и традиционные верования, среди которых шаманизм занимает одно из главенствующих мест.

«Вот, тебе бабушка и Юрьев день, – почесал кончик носа Колчанов, – тунгусы, шаманы, росомехи и всё на мою седую голову. Значит всё же пора искать консультанта».

– Алексей, – позвал он сына, – что там у вас за любопытный доцент, мать говорила, про колдунов увлекательно рассказывает?

– Да, папа, есть такой преподаватель. Кторов Виктор Игоревич. Действительно, очень глубоко разбирается в мифологии. А что?

– Да, сынок, думаю познакомиться с ним. Ну, не завтра, а так.... Если что, представишь?

– Я? Ну, можно конечно, – с сомнением потянул Алек-

сей, – хотя моё протезирование будет как-то несолидно?
– Ты не сомневайся. Только подведи к нему, а дальше я сам.
– Хорошо.

* * *

Отчёт перед начальством о проведённом расследовании получился какой-то очень нелогичный, особенно в завершении.

– Ты, Михаил Иванович, в мистику-то не впадай. – Сказал Шебекин. – Какие, к чертям, у нас могут быть шаманы! Иди, продумай всё спокойно, факты набранные сопоставь, и не сбрасывай со счетов, что грабитель мог оказаться большим шутником. Накидал всякой гадости, чтобы следы запутать. Вот и всё.

Колчанов решил, что следует ещё раз побеседовать с директором музея.

– Иван Иванович, – начал майор, расположившись с чашкой чая на диване в кабинете директора музея, – я хотел спросить вас вот о чём. Не известно ли вам как попали в наш музей эти шаманские бирюльки?

– Как же неизвестно, Михаил Иванович, очень даже известно, поскольку сам я их в музей и принёс. Было это в 1972 году. У нас тогда работала уборщицей пожилая женщина, бабка Матрёна. Как-то приходит и говорит мне: «Иван Ива-

нович, у меня соседка умерла, Анна Карасёва, совсем одинокая была. Перед смертью очень просила меня мешок сберечь с чужими, говорит, вещами. Когда Анну схоронили, я мешок и забрала. Вот он лежал, лежал месяца два, я про него уж и забыла. А как днями стала по двору прибирать, наткнулась на него в сарае. Открыла, а там барабан какой-то да шапка с рогами. То видно осталось ей от постояльца, что жил у неё давно ещё. Может, глянете, что в музей подойдёт?» Представьте себе, каково было моё удивление, Михаил Иванович, когда я заглянул в этот мешок. Там хранился тот самый шаманский ритуальный набор, что выкраден из музея.

– Да, занимательно. А о каком постояльце покойной Карасёвой шла речь?

– Насколько я понял, когда-то у Карасёвой квартировал приписанный властями житель Сибири, который уехал потом, после смерти её сына Николая. Вещи свои оставил и просил Анну их беречь. Матрёна говорила, что Анне, дед Борька, так его называли, обещал, что кто-то за этим мешком вернётся и заберёт.

Колчанов вытянулся лицом и привстал в кресле.

– А может быть, это и было возвращение за оставленными вещами?

Ковров тут же поперхнулся чаем.

– Неужели? – Прошептал он, глядя на майора округлившимися глазами.

– Спокойно. Бабка Матрёна жива?

- Да уж лет пятнадцать как померла.
- Так. Хорошо. А где она жила, в каком районе?
- Где-то на Соломенной слободе, но её дом полностью снесли, там теперь микрорайон из многоэтажек.
- Слишком, слишком много совпадений. – Пробормотал себе под нос Колчанов.
- Что вы сказали, Михаил Иванович?
- Да это я о своём. О своём ли? – Засобирился майор. – Как вы сказали, фамилия была Матрёны?
- Беспалова. Беспалова Матрёна Сидоровна.

* * *

К концу рабочего дня майор собрал в своём небольшом кабинете почти весь отдел. Старшего лейтенанта Дмитрия Колобкова, капитанов Армена Шаганяна и Леонида Цапкина.

– Вот что, товарищи офицеры или господа, как вам больше нравится, будете мне активно помогать. Думаю, что дело это с ограблением музея только на первый взгляд незначительное и, как бы, проходное потому, что похищенное не является высокохудожественной ценностью, и значительно ущерба не нанесено. Я думаю, что следует отнестись к нему очень серьёзно. Почему так думаю, объяснить до конца не могу и себе самому, но опыт подсказывает, что по своей сложности это дело может переплунуть многие другие. По-

этому распределим обязанности таким образом:

– Ты, Армен, установишь по паспортным и жилищным архивам, где именно на Соломенной слободе проживали Карасёва и Беспалова. Куда переехали дети и внуки Беспаловой, их соседи и что они помнят и знают о проживавшем некогда у Анны Карасёвой жителе Сибири или Дальнего Востока. Короче, о некоем уехавшем после смерти её сына Николая человеке.

Ты, Дима, займёшься следующим. Я так полагаю, что участковый, который в те времена был на Соломенной слободе, обязан был о таком постояльце знать. Выясни, кто был там участковым, жив ли сам или кто из родни, что известно по этому делу. Проверь наши архивы, так как его могли в те времена, предположительно между сорок пятым и сорок восьмым годами, принудительно прислать в N-ск на выселение.

Лёня, разыщи одноклассников, учителей, друзей покойного Николая Карасёва. От чего умер, при каких обстоятельствах, где захоронен? По записям в кладбищенских конто-рах поищи.

В этом, орлы, необходимо тщательно разобраться. А вот когда у нас будет целостная картина событий тех лет, легче будет двигаться дальше. Чем быстрее, тем лучше. Через пару дней жду результаты.

ИНЫЕ ПРАВИЛА

«В тот вечер Тор взял своих козлов и убил их. С них содрали шкуру и положили в котел. Когда они сварились, Тор и его товарищи сели за ужин. Тор пригласил также крестьянина, его жену и детей.... Затем Тор положил козлиные шкуры возле очага и сказал крестьянину и его людям, чтобы они брали кости и шкуры. У Тьяфли, сына крестьянина, была кость из бедра одного из козлов: он расколол ее ножом, чтобы добраться до мозга. Тор переночевал там. На следующий день он встал перед рассветом, взял молот Мйоллнир и благословил останки козлов. Оба козла поднялись, но один из них хромал на заднюю ногу».
«Младшая Эдда»

Колчанов критично разглядывал свое отражение в зеркале после привычного утреннего бритья: «Постарел, Миша, постарел. Нос еще больше и толще стал, хорошо волосы на месте, но теперь уж и не видно, что был ты светлым с рыжиной блондином – все в седине. Подбородок окаменел, квадрат квадратом. А глаза твои голубые сигналият, что еще чего-то в жизни очень хочется».

Михаил Иванович недружелюбно посмотрел на разбалованный пивом животик и грустно вздохнул. Вообще-то он хороший муж и отец, но налево всегда любил сходить. И сей-

час еще бывает, нет-нет, да и согрешит на стороне, но конспирацию всегда соблюдал. Хотя подозревает, что Лизавету на мякине не проведешь. Не только красива, но и умна. Красота потихоньку вянет, а ум только острее становится. Знает, знает хитрая баба, что чудит иногда супругник, вернее фактов-то у нее нет, а вот интуиция ей не врет.

— Миша, — позвала жена, — завтрак на столе! Целую, я убежала.

— Давай, Лиза, до вечера!

Только принялся за яйцо всмятку, как нервно зазвонил телефон. Именно нервно. Колчанов для себя отмечал, что телефон звонит по-разному. Ясно, что быть такого не может. Аппарат он и есть аппарат — без души, без чувств, но, кажется, что не всегда. Михаил Иванович пошел в коридор к телефону, поднес трубку к уху и тихонько подул в нее, чуть-чуть, чтобы только легкий шумок полетел на тот конец. Привычка, выработанная годами. С той стороны начнут кричать «Алло! Алло!», а он уже определит, кто хочет с ним поговорить. Все друзья, коллеги и члены семьи эту манеру знают. Начинают разговор первыми и представляются, тогда уж и Колчанов подключается. А если с кем нет желания общаться, трубку положит — и звони себе названивай. Особенно блюдет майор это правило, когда попадаетесь непростое дело с неизвестными. При такой ситуации может звонить кто угодно, чтобы проверить, правильный ли номер главного следователя разыскали, а то еще и угрожать станут или просто гром-

ко подышат в трубку. Тогда пусть первым начинает разговор этот кто-то, а Колчанов послушает. А если потребуется, то на свое усмотрение еще и запись разговора выполнит на магнитофонное устройство, присоединенное к телефону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.